

Империя добра

Книга вторая

16+

Рябцева Павла

Павел Рябцев

Империя добра. Книга вторая

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Рябцев П. Е.

Империя добра. Книга вторая / П. Е. Рябцев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-03478-5

Взгляд автора на современное общество. Герои объединены одной нитью - они участники эксперимента, но как происходит и в самой жизни - роли у каждого свои. Книга будет интересна тому читателю, который сам остро чувствует столь неодинаковые грани современного мира и желает поразмышлять на тему, что будет дальше, через некоторое время, когда мы сделаем шаги, которые могут привести к необратимой трансформации общества. Данное издание является первой книгой из трилогии, которые объединены одной нитью. Прочтение возможно в свободной форме или последовательно.

ISBN 978-5-532-03478-5

© Рябцев П. Е., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Вместо предисловия	5
11.00	6
12.00	8
13.00	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Рябцев Павел – Империя добра. Книга вторая

В моих глазах блестит твоя слеза.

Она свята – младенец в колыбели.

Я на краю твоей постели

Спускаю жизнь свою на тормозах.

Вместо предисловия

Тебе ли не знать тех тайн, что покоятся глубоко внутри меня и разрушают меня изнутри? В каком бы направлении не дул ветер и в где бы не находилось солнце, я всегда буду помнить тайну, главную тайну всех времён и никого. Как остаться теперь с тобой и не потерять тебя вновь, как это происходило раньше. Но, как говорится, расставание – повод для встречи, иногда для новой встречи, но ведь иногда и для встречи давнишней, как хорошая книга тридцатилетней давности, с пожелтевшими от времени и невзгод страницами, с пропитавшим её запахом нафталина памяти, что осела на её корешке и обложке.

Я открываю такую книгу и перелистываю страницы; я жадно читаю строки, абзац за абзацем, главу за главой, пока не дохожу до последнего, завершающего предложения, а там и до последней запятой и точки. Остановившись, я осматриваюсь вокруг – час минул или вечность, с тех пор, как я начал перечитывать книгу вновь, в который раз и в этой ли жизни только или раньше? Конечно, нет. Много раз и много жизней, и много человек читали эту книгу, и всегда, во все времена, на всех континентах и в любое время года застывали слезы в глазах тех, кто чувствовал всё, о чём сказано, проходя этот путь от интереса до дрожи в груди, вновь и вновь, не начиная и не заканчивая путь, а присоединяясь к нему на мгновение, чтобы истлеть и раствориться без остатка в вечности без всякой надежды на память потомков.

Но ты не поймешь опять, даже если перечитаешь написанное тебе письмо или переберёшь снова и снова, шелестя страницами, все мои воспоминания. И тонкие твои губы будут вновь страдать без сигары или поцелуев женщины, и ты останешься один, в огромном зале посреди могил собственных надежд на спасение, которое никак не приходит, несмотря на ритуалы и взывания. Стоит ли плакать об этом? Конечно, нет. Ведь мы не должны страдать из-за себя. Ад – это другие. В них вся наша горечь, разочарования, разбитые мечты и потерянные годы, в них наша жизнь, но в них же наша смерть – каждый день, час или минуту. Грусть не покидает слабых, поэтому нас учат быть сильными – чтобы мы хоть иногда улыбались. И когда-нибудь я оставлю тебя, чтобы ты нашёл меня вновь. А пока спи и не думай ни о чём, пусть река ночи несёт тебя по снам и фантазиям. Ты всё равно проснёшься и начнётся новый день, который всегда может быть интереснее и ярче предыдущего – главное верить в самую возможность этого, в сладкую, почти медовую, возможность. Не забудь ложку.

11.00

То самое время, когда в кофейне пусто. Легкое осеннее солнце заглядывает через стекло и видит двоих мужчин – единственных клиентов, занявших небольшой стол в углу. Здесь всегда играет джаз, мраморные подоконники отполированы до блеска, чуть поскрипывают деревянные стулья под клиентами. Они оба спокойны. Один из них одет в шикарный костюм из шерсти, на белоснежной рубашке огнем горит красный галстук, лакированные туфли поблескивают от игривых солнечных лучей. Другой тоже в костюме, но из синтетических материалов в футболке вместо рубашки, на ногах кроссовки с броским узнаваемым логотипом.

Мужчина в дорогом костюме перестает говорить и отворачиваясь от своего собеседника, подставляет лицо яркому дневному свету и улыбается, как ребёнок. Мужчина в синтетическом костюме поворачивается в том же направлении, и так же соприкасается лицом с солнечными лучами, но улыбки на его лице не появляется.

– Эта история, которую я рассказал, представь, что она была. – Возвращается к разговору мужчина в костюме из шерсти.

– Это безумная история. Разрушено вмиг всё, что так долго создавалось. Это безумная, безумная история. – Повторяет, разворачиваясь к своему собеседнику, человек в футболке.

– Но эксперимент не завершен. Его не закончили. Не получили результат.

– И?

– Мне нужен ты. Новая кровь. Новый человек с новым взглядом.

– Но ты же знаешь, что я занимаюсь совсем другими вещами. Я не провожу опыты с лабораторными крысами и уж тем более с приматами.

– Я и не предлагаю тебе должность лаборанта на зооферме.

– Мне снится один и тот же сон. Негр целуется с китайцем. – Попытался перевести тему человек в футболке.

– Тебе нужно меньше смотреть телевизор.

– Я совсем не смотрю телевизор... – Начал оправдываться синтетический костюм.

Человек в костюме из шерсти обвел глазами своего собеседника. Он разглядывал складки над его губами, сами эти тонкие губы, беспокойные глаза, которые не находили себе места вот уже половину часа, скулы, которые попеременно дергались, едва заметно и очень редко, но он успел отметить это для себя, стриженные почти «под горшок» волосы, и совсем ничем не примечательный нос, нос как нос – по такому носу никогда не опознаешь человека, а ещё он отметил нездоровую белизну кожи. «Неприятно белая кожа» – подумал он разглядывая дно давно опустевшей чашки, перевел взгляд на тарелку, где совсем недавно покоился эклер, несколько крошек напомнили вкус, и вернул глаза обратно к неумолкавшему товарищу, с которым когда-то давно свела его судьба и какое-то время не отпускала.

– Сколько же лет назад это было? – С удивлением для себя произнёс он вслух.

Собеседник посмотрел на него с неожиданно и замолк. Он понял, что тот не слушал его всё это время, а лишь ждал одного единственного ответа, который его устроит. И так было и раньше, даже когда они еще совсем молодые юноши на конференции в музее работали волонтерами, он уже тогда хотел получить только тот ответ, который его устроит, как и тогда в темноте, за плотными шторами занавеса, он прижал его к стене, закрыл рот ладонью и принялся целовать в шею, щёки, убрал ладонь и коснулся губами губ. Но ему показалось этого мало и он продолжил делать с ним всё, что хочет, проворно работая руками, которые то отпускали его рот, то возвращались к нему снова. И теперь, спустя столько лет, этот нахал вновь нашёл его, чтобы тот опять соглашался, беспрекословно и кротко, и склонил сейчас он голову и замолчи, он вновь поверил бы в свою власть над ним, и снова он почувствует его руки на своей шее или плечах, но непременно они вернуться ко рту, чтобы не было лишних звуков, чтобы тайна

оставалась тайной, святыней, секретом, глубоко зарытым где-то в песке на берегу вечно холодного моря.

– Брось, я просто вспомнил, что мы давно знакомы. Сто лет уже минуло.

– Действительно. – Костюм из синтетики обхватил пальцами мраморную столешницу, отчего чашки на блюдцах зазвучали своими керамическим голосами. – Давно это было.

– Ну так что? Не откажешь старому товарищу? – рука коснулась красного галстука, будто говоря о необходимости быстрее решить такое простое дело.

– Я же совсем не знаю, чего ты от меня хочешь. – Стараясь говорить предельно вежливо он сам почувствовал грубость своих слов, которые, словно элементы металлического механизма, повалились один за другим.

– Мне важно сейчас знать, что тебе интересен сам эксперимент, а я уверен, что интересен, ведь ты сам по себе любишь эксперименты. – Недобрая и некрасивая улыбка появилась на лице. – Мы поговорим обо всём подробнее, но давай не здесь, – он бегло глянул на часы, вряд ли что-либо успев увидеть на циферблате, – можно всё обсудить у меня дома, например, послезавтра. А сейчас мне, к моему сожалению, пора – дело чрезвычайной важности, – и он добавил, наверное, желая казаться более вежливым, – правда. Тебя подвезти куда-нибудь?

– Нет. Я никуда не спешу сегодня.

– Ну, тогда жду твоего звонка. – Запонка с черным камнем на белоснежном фоне потянулась вслед за протянутой ладонью. – До скорого, Нахим, до скорого.

– Хорошо. Я позвоню, Беренг.

Рукопожатие означало конец их встречи. Нахим только угадал силуэт подъехавшей чёрной машины, шерстяной костюм исчез в ней за захлопнутой водителем дверцей, не обернувшись. Машина тронулась, её полированные бока красиво заиграли на солнце. Он подошёл к бару, чтобы рассчитаться, не ожидая официантки, но с удивлением узнал, что уехавший уже рассчитался за обоих. Ничего не оставалось, как забрать свою сумку на ремне и отправиться прочь.

Старые, истертые временем, каменные плиты тротуара проплывали под его ногами, за спиной гудела вечность. Он старался уловить мгновение, не до и после, а то, что между: меж сном и пробуждением, меж тишиной и звуком, меж жизнью и смертью. Тонкая нить, которой он пытался коснуться всей душой, никак не давалась, изящно уходя в сторону. «Наверное, это подвластно только детям. Они же и живут в моменте, не задумываясь ни о вчера, ни о завтра. Только *oggi*». И он вспомнил каково это быть ребенком – когда время не имеет значения, но как важна линия, которую ты выводишь сейчас (здесь и сейчас!) карандашом и как расстраиваешься, если линия вышла недостаточно ровной. Вот же, стирательная резинка – потри и исправишь, но ты упрямисься, ты расстроен, а когда мамина рука сама убирает плохо выведенную линию, лицо твоё озаряется улыбкой. И так во всём.

Он шёл по улице не спеша, в огромных окнах витрин отражались лучи солнца, которыми он любовался, впрочем, так же как и всегда. И всё вокруг было, как и всегда, когда весна берёт природу в свои руки, наливая силой растения, согревая и заботясь о живом. Он любил это время года больше всего, ведь именно сейчас распускались цветы, улыбались люди, а мир вокруг блеснул. Природа запускала новый цикл, сулящий обновление, свежесть и счастье. И он, как мальчишка, сейчас чувствовал себя той самой частью природы, что и подлежит обновлению – вся его жизнь, быть может, подлежит обновлению и становлению, подобно тому, как растут деревья, становясь крупнее и сильнее с каждым годом, с каждой пережитой зимой. И всё было, как всегда, но что-то заставляло идти медленно и не спешить.

12.00

Память похожа на клубок ниток. Чувство похоже на спицы, которые вяжут из этого клубка узор. Когда нам становится одиноко, а рядом никого нет, мы берём в руки спицы, кладем на колени клубок с нитью, делаем первый стежок и начинаем вспоминать. Память – это хороший друг. Она готова побыть с нами тогда, когда нам действительно это нужно и не обременяет своим присутствием, если мы хотим другого. Спицы ловко создают узоры, в которых целая жизнь, моменты счастья и тягостные события, смех, слезы, отчаяние, надежда, и много всего, что и есть мы сами.

Огромная старая липа в маленьком сквере стала его прибежищем, бухтой спокойствия, где он любил придаваться воспоминаниям. Нахим оставался наедине с ними, что случалось с ним часто. Узоры один за другим являлись и, складываясь друг с другом, превращались в целые истории. Он бережно перелистывал страницы, перечитывая эти истории, хотя знал их наизусть и сам мог рассказывать слушателям заученный текст. Рассказчик менялся местом с читателем и вновь он становился то наблюдателем, то участником, то проваливался в дремоту и возвращался к оглавлению, откуда опять, в бесчисленный раз, начинал свой бесконечный путь по кругу.

История об открытии.

Его привлекла яркая футболка. Она небрежно была брошена на скамью в раздевалке. Это было первое занятие по дзюдо, и бабушка, которая привела его, сейчас терпеливо дожидалась в коридоре, глядя на часы и считая секунды. Футболку взяла рука и с той же небрежностью сунула её в красивый новенький рюкзак. Мальчик возраста Нахима оказался хозяином всего этого богатства. Этот мальчик, несмотря на то, что они стояли друг рядом с другом, даже не посмотрел на него – он спешил. Мальчика сопровождал взрослый мужчина в костюме, и когда подошла очередь завязывать пояс на самбовке, этот мужчина, не ожидая просьбы со стороны мальчика сам проявил участие и помог ему ловко и быстро справиться. Бабушка заругала Нахима, как только он вышел к ней в коридор, за нерасторопность, время идёт – скоро тренировка, она почти началась, но увидев, что Нахим так и не готов, попыталась помочь завязать пояс самбовки, но у неё это плохо получалось. А время шло. Мужчина в костюме оказался рядом, он уже возвращался от спортивного зала обратно, видимо хотел покурить на улице, но увидев мучения бабушки, решил помочь. Так началась первая в его жизни тренировка. А после неё, в раздевалке, благодаря мужчине в костюме, он познакомился с обладателем цветастой футболки. А уже позже, когда они подружатся, дадут друг другу клички, которые и пронесут через годы – Нахим и Беренг. После тренировок Беренга увозил водитель, куда-то в гущу деревьев, а Нахима забирала бабушка и они ехали на трамвае-погремушке домой.

История об удивлении.

Беренг позвонил неожиданно. Минули годы с начала их знакомства и они какое-то время не общались. Нахим делал уроки, бабушка ушла в магазин. Беренг не спрашивая как дела или что-то вроде этого, перешёл сразу к делу – предложил поработать волонтерами на конференции в музее. Позже, когда Нахим согласится и даже придёт в этот музей, Беренг признается, что отец заставил его стать волонтером, так сказать, для личного роста, но никого из своих друзей Беренг уговорить не смог и вспомнил про Нахима. Теперь им будет веселее. Нахим попытался было обидеться, но не стал, ведь он был не против такой работы, да и увидеться со старым приятелем было приятно. Конференция продолжалась на протяжении недели. Среди волонтеров были и другие ребята, даже из других городов, но с ними Нахим и Беренг общались постольку-поскольку: во время работы они были заняты встречей гостей, а после предпочитали прогуляться по городу или посидеть в ближайшем парке у фонтана. Весна была в самом разгаре и находиться на улице представлялось самым приятным занятием. Их прогулка занимала не

больше часа, после которого Беренга, как и раньше, забирал водитель. Нахим, расставшись с другом, либо продолжал бродить по городу, но уже в одиночестве, либо спешил на метро и ехал домой.

История о сострадании.

И снова, спустя несколько лет, Беренг ворвался в его жизнь неожиданно и с помпой. Бах! И вот они уже едут на машине, которую Беренг только что получил в подарок от отца на день рождения, который, как выясняется во время поездки был не далее, как вчера. «Ну ты же понимаешь, только семьей собирались, никого больше не звали». Нахим не слушает, он первый раз едет в такой дорогой машине и смотрит на город из её окон, а не наоборот. Беренг предложил сходить в театр, Нахим в нём бывал пару раз, но почти не помнит, как тут всё устроено. Прекрасные места в первом ряду, по центру, лучше не придумаешь. Спектакль современный, но по классическому произведению, точнее осовремененный, американский автор, глубокие смыслы и поверхностные слова. Нахим периодически, когда затекала нога или рука, либо становилось совсем скучно, поворачивал голов в сторону Беренга, и тот, если замечал это, поворачивался в ответ и растягивал губы в легкой ни к чему не обязывающей улыбке. В зале было темно и немного душно, возможно от излишнего отопления, а может быть от излишнего количества в этом пространстве жадных до зрелища последних эстетов современности. Уж больно часто они кашляли и громко дышали. Вздохи облегчения слышались со всех сторон – актёры всей труппой выходили на сцену прощаться и собирать принятые здесь громогласные аплодисменты. Пару голосов тренированно выкрикнули «браво», остальные быстро покончили с восхвалениями и поспешили к гардеробу, а актёры, избавляясь от дежурных улыбок, сами поспешили удалиться за кулисы, чтобы приступить к переодеванию и мыслям о делах житейских. Беренг обернулся к Нахиму и произнес спокойно: «Здесь никого не осталось, только мы с тобой. Успеем!». После этих слов он схватил Нахима за руку и потащил на сцену, Нахим не сопротивлялся. Ему самому было интересно рассмотреть декорации вблизи, потрогать их руками, может быть почувствовать себя актёром. И вправду, ощущения были совсем другие, когда они бродили меж слоями искусственных стен, причудливой мебели, словно вынесенной с выставки современного искусства или малобюджетного бара, смотрели в зал и представляли себя в роли. Слышались шаги. Нахим и Беренг, одновременно бросились в противоположную сторону и скрылись между занавесью и стеной. Место для двоих оказалось маловато и они вынуждены были прижаться друг к другу как можно ближе. Беренг, ничего не говоря, начал первым и выиграл.

История о превращении.

Годы шли и Нахим, не поступив в институт, смог устроиться, благодаря протекции бабушки, в библиотеку этого института. Бабушка надеялась, что определенный стаж и возникшие со временем знакомства позволяет внуку получить высшее образование и наладить свою жизнь. Но ожидаемое никак не смогло воплотиться в реальность. С каждым годом Нахим становился более замкнутым. Он проводил свободное время за чтением книг, доступ к которым он имел безграничный, но не как ожидала старушка, о науках, нет, ему нравилась сплошь художественная литература и только она. Он пробовал читать в академическом ключе, то есть по порядку, от мифов Древней Греции до наших дней, но быстро отказался от этого подхода, выбирая книги в свободном порядке, во время путешествий меж стеллажами, попеременно выбирал из бесконечного ряда ничем не примечательный корешок, тянул за него, открывал на середине перелистывал страницы то к концу, то к началу, словно качаясь на палубе судна, ставил томик обратно, и так до тех пор, пока не удовлетворялся подобной проверкой и заканчивал свой поход тем, что прижимал выбранную книгу к груди и удалялся с ней за рабочий стол. Во всех героях на бесчисленных страницах он видел одного человека – Беренга. Он не искал с ним встречи, хотя знал его номер телефона, не пытался найти его в социальных сетях. Он просто вспоминал его с какой-то теплотой и нежностью, отдавая себе отчет, что пока Беренг

не будет заинтересован во встрече с ним, до тех пор подобная встреча не сможет состояться, хочет этого Нахим или нет, и обратно, как бы ни хотел Нахим такой встречи, она произойдет лишь по желанию Беренга.

История о тоске.

И вот она случилась. Ждал ли он её? И да, и нет. Надеялся ли он, что она произойдёт? Каждый день и никогда. Что это будет теперь? Всё и ничего. Нахим делает шаг, а Беренг успевает сделать круг – вот в чём штука. Это человек высокой энергетической силы. А он, Нахим, протягивая руку, надеется получить частичку этого заряда, и ведь иногда получает. «Я всегда следовал в фарватере чьей-то воли» – вспоминает он себя и не противиться мысли следовать так дальше. Нет ничего странного в том, что они знакомы так давно. Это как магнит и скрепка – они совершенно разные, но скрепка устремляется к магниту, а магнит её крепко держит, и трудно наверняка сказать, кто из них в данный момент скрепка, а кто магнит – трогательные отношения двух предметов, подверженных коррозии. Нахим улыбнулся. Ему нравились странные аналогии, странные обобщения и выводы – всё, что было странно для других нравилось ему, он старался быть таким, чтобы казаться странным. Отчасти это была игра, а отчасти сама жизнь, кусочек его самого, который был для него важен. «Не так уж много таких кусочков, даже совсем немного» – подумал он, разглядывая собственное отражение в экране смартфона. Он жаждал удивительного приключения, а свадьбой это кончится или похоронами – об этом думать совсем не хотелось. На губах застыло отчаянное предвкушение удивительного.

Он смотрел на солнце через свои тонкие пальцы, отчего они становились почти невидимыми. Щедрое светило убаюкивало, но приходилось, прощаясь, вплоть до просьб простить его, за то, что он вынужден отказаться от его ласк. Обеденный перерыв закончился, ему нужно было возвращаться в институт на свое рабочее место. Ветер тянул облака на запад, птицы же летели на восток. Дел на сегодня осталось немного: проверить пару десятков книг, которые числятся пропавшими без вести, отсортировать коробку с новыми поступлениями и постараться оперативно принимать и выдавать книги немногочисленным посетителям – весной в библиотеку почти никто не ходит. Он встал, отряхнул брюки и направился на работу, думая, когда лучше отправится в гости к Беренгу, забыв о самой цели визита, которую, разумеется, Беренг определил без его участия.

13.00

Пыльная улица скрылась за массивными деревянными дверями с красивым сложной работы витражом. Квартира 12, вопреки ожиданиям, оказалась одна на этаже. Беренг был одет по-домашнему: в серых хлопковых штанах и кофте, на ногах красовались тапочки из коричневой кожи. «Прям, молодой папа!» – подумал Нахим, входя в покои.

– Добро пожаловать. Чувствуй себя, как дома!

Нахим осмотрелся, протирая глаза, чем вызвал удивление Беренга, который заметил следующее.

– Ты выглядишь не выспавшимся.

– Я всю ночь не спал. – Начал оправдываться Нахим. – Сначала кто-то пьяный кричал во дворе и я не мог от этого заснуть. А потом не мог заснуть от того что крики прекратились.

– Таково несовершенство жизни. – Сказал Беренг, чтобы что-то сказать.

– Такова реальность моего двора. – Парировал Нахим, воспринимая ночных крикунов, как неизбежность места своего проживания. – Уверен, в вашем дворе такого нет.

– У нас двора-то нет. – Будто оправдываясь начал Беренг, но решил не продолжать, чтобы разговор не принял форму абсурда и пригласил гостя следовать за ним.

Длинный, казалось, бесконечный коридор, стены которого были обшиты деревом, привел их в кухню огромных размеров, в центре находилась специальная зона для готовки, по краям разместились ящики. Площадь помещения впечатлила Нахима: «Метров пятьдесят или вроде того». Нахиму показалось странным то, что круглый стол был не под стать помещению – на четверых.

– Это для нас, когда мы завтракаем. – Словно прочитал его мысли Беренг, – Столовая в другой комнате, она немного больше кухни.

Беренг предложил кофе. Нахим согласился на кофе с молоком без сахара. Он сел за стол, ожидая угощения. Его внимание привлекла книга с закладкой на середине. Нахим подвинулся ближе и пока Беренг был занят приготовлением кофе, он разобрал текст на корешке и неприятно поморщился. «Как можно читать Берроуза утром?» – подумал Нахим, почувствовав привкус сигареты во рту – «Тем более, Завтрак. Так совсем аппетит пропадёт».

Они сидели друг напротив друга. Кофе остывал. Нахим смотрел на руки Беренга – никогда не знавшие труда руки. Труд был не для них, он был им противопоказан и окажись сейчас обладатель этих пухловатых пальцев-сосисок где-нибудь на заводе перед станком, сдавалось Нахиму, что не все они остались бы на местах. «Но ведь такие, не видевшие труда руки и владеют руками тех людей, для которых труд – есть норма деятельности» – думал Нахим – «И так было всегда. И так будет всегда. И эти руки, чтобы оставаться такими же белоснежными, чистыми, с ровно подстриженными ногтями будут продолжать искать другие руки, которые со временем покроются мозолями, ранами, грязью».

– Ты женился? – Теперь уже Нахим сказал, чтобы что-то сказать.

– Да, мой дорогой, всё меняется. Вот и я изменился и решил стать примерным семьянином.

«И жить торопится. И чувствовать спешит». И снова Нахим ощутил привкус сигареты.

– Всё для семьи. – Неестественная улыбка появилась на лице Нахима.

– Стараюсь. – Растерянно ответил Беренг.

Он почувствовал себя неуютно в собственной квартире, на собственной кухне, сидя на собственном стуле и держа собственную чашку с кофе. На мгновение все эти предметы вокруг, сами стены, стали чужими. Глаза Нахима смотрели с укором, скрывааемые за иронией слов. «Как легко он это делает» – думал Беренг, ерзая на стуле, как абитуриент перед экзаменационной комиссией, и так нелепо было сидеть с чашкой кофе и в пижамном одеянии перед экза-

менаторами. Было неловко, но лишь на мгновение. Ведь он уже давно изменился и стал примерным семьянином.

– А где все? – Нахим окинул взглядом кухню, будто этим помещением ограничивалось жилие Беренга.

– Уехали. Сейчас же каникулы. – Он замер, будто вспоминал что-то – Жена увезла их на море.

– А ты?

– А я работаю.

– И сейчас?

– Боюсь, что да. Я ведь хочу рассказать тебе о проекте, который изменит нашу жизнь. Круто её изменит.

– Тогда расскажи мне об этом проекте. – Он вновь шёл по пути покорности.

Нахим окинул комнату взглядом ещё раз. Рассеянность застряла в его глазах. Он видел в центре потолка прекрасную люстру с вензелями из тонкого металла, дубовый фасад кухонных ящиков, массивную столешницу из мрамора, плитку на полу, словно перенесенную из дворца Меншикова. И в то же время он не видел всего этого. Перед глазами стоял балдахин занавеса, холодная стена прижималась к спине, руки, эти не знавшие работы руки, которые были везде одновременно, темнота, страх перед опасностью быть обнаруженными, сдавленный крик, вовремя пресеченный, тишина и молчание, избегание смотреть в глаза, потолок в сумраке, сигарета, сон.

– Ты слушаешь? – вернул его обратно голос Беренга.

– Конечно. – Нахим кивал и одновременно схватился за чашку, едва не расплескав содержимое. – Какая красивая.

– Английский фарфор. – Объяснил Беренг. – Если тебе нравится, я подарю тебе комплект. У меня есть ещё один.

– Не нужно. Вдруг разобью – будет больно это видеть. – Поспешил промямлить Нахим. – Вернёмся к делу.

– Да, разумеется. Вернёмся к схеме, которую я описал.

Беренг только было открыл рот, чтобы начать своё повествование, но Нахим, ведя свою игру, игру недоступную для понимания ни Беренгу, ни кому-либо ещё, внезапно пресек говорящего и начал говорить сам, неуважительно, небрежно, бросив в него слова так, как бросают палку собаке.

– Покажи мне квартиру, – он пристально посмотрел на Беренга и добавил, – пожалуйста.

– Конечно. Нужно было это сразу сделать. – Он встал из-за стола. – Извини. Пойдем.

Они вышли из кухни и повернули направо, осмотрели спортивный зал и кинозал с электрическими диванами, будто снятые с самолёта каких-нибудь авиалиний нефтяных монархий Персидского залива; вернулись и прошли в столовую, которая больше напоминала зал в Эрмитаже или Лувре: огромное золоченой рамы зеркало создавало еще больший объем комнаты, две золоченые люстры со множеством ламп свисали на декоративных лентах, массивный стол с дюжиной стульев, как взлетно-посадочная полоса, разделял комнату на две части; за столовой открывалась гостиная, выполненная, скорее, в английском стиле – красные, можно сказать шелковые обои, кожаные диваны с каретной стяжкой, камин и пара кресел у окна; они покинули и эту комнату и вновь оказались в коридоре.

– А где же вы спите? – в недоумении и прибывая в восторге от увиденного выпалил Нахим.

Роскошь, поглотившая его внимание ещё оставалась на сетчатке – такого он не видел никогда, тем более, чтобы это великолепие принадлежало живым людям, до сих пор живым. «Какой-то волшебный мир» – думал он с блаженной улыбкой на устах.

– Ты, верно, не заметил лестницу. Пойдём!

Действительно, лестница оказалась в коридоре и Нахим не заметил её, наверное потому, что отделка стен, уходящих на четыре метра вверх, дубом, завладели его вниманием. Нахим не слушал, сколько здесь ступеней, из какого сорта дерева сделаны перила, как с одним строителем произошёл забавный случай. Оказавшись сейчас рядом с этим человеком, он окунулся в воспоминания, которых, нужно признать, было немного. Но всегда это были вспышки, адреналин, яркие пятна на привычном ему сером фоне. Он хранил эти воспоминания так же бережно, как в детстве вкладыши от жевательной резинки Турбо. Они поднялись по массивной и совершенно не скрипучей, как почему-то думалось Нахиму про ступени до этого, лестнице и очутились на втором этаже в квадратном коридоре, из которого в разные стороны выходили двери. Их было здесь штук пять.

– Видимо, здесь не только спальни, но и ванна с туалетом. – Рассуждал он вслух.

– Ванны с туалетом в каждой спальне свои, – уточнял Беренг, – здесь четыре спальни и кладовая. Иногда не годится спускаться за шампанским вниз! Гости иногда приезжают с ночёвкой, – он даже подмигнул Нахиму.

Но ему не были интересны все эти подробности. Он знал и помнил другого Берега и общего с тем Беренгом у него было гораздо больше. Он испытывал к этому человеку все виды голода, о которых читал у Берна. Ни один человек на его не столь извилистом пути не интересовал его так же сильно, как Беренг. Это было необъяснимо и для самого Нахима, но он не спорил с собой.

– Ты помнишь? – он прервал друга на полуслове – Что было у нас?

Берег опешил. Конечно, он помнил. Но это было давно и сейчас эти воспоминания находились так далеко, там, где исчезает солнце. Да и образы эти давно развеялись и, скорее, напоминали очертания, скрытые за муаром, едва различимые и узнаваемые лишь благодаря усилиям воли. Почти шутка, почти каприз, нелепый эксперимент не по правилам, превратившийся в дым.

– Да, разумеется. – Он остановил сам себя, чтобы не наговорить лишнего.

– Как давно это было и, словно, вчера. – Продолжал свою мысль Нахим. – Я часто вспоминаю от том, что было в зале после концерта.

– После спектакля. – Поправил Беренг и сам отругал себя за это.

– Точно. Спектакль. – Нахим замолчал, но Берег не говорил ничего в ответ. – Вся жизнь – это сцена. У кого-то аншлаг, у кого-то не продано ни одного билета.

– Ну хватит об этом. Давно это было. – Беренг пытался избавиться от этого разговора, как от грязного пальто, скидывая его на ходу.

«Да, он стал совсем другим» – подумал Нахим и решил не продолжать разговор. – «Оно и понятно. Жизнь меняет человека, особенно, если она у него есть».

– Хочешь осмотреть комнаты? – попытался сменить тему разговора Беренг.

«Тебе нужно особое приглашение?» – услышал Нахим голос из прошлого. Он действительно никогда никуда не спешил, никогда не совершал спонтанных поступков, если отбросить память о Беренге, никогда не жил в удовольствие и не всегда соглашался с тем, что жил вообще. Это знание не коробило его. Он свылся с ним. Подобно скарабею, он предпочитал зарываться в песок и отсиживаться там. Не почему. Так приходило на ум, так чувствовал он и так делал. Чтобы изменить мир, нужно посмотреть на себя с другого ракурса. И он вознесся над унылым ландшафтом собственного жизненного пути и окинул его взглядом. Ничего. Песок, мертвая земля, в глубине которой, возможно, прячется жук скарабей. История не терпит сослагательных наклонений, а он терпел себя все эти годы, жил вопреки мысли «если бы», отмечая всякую возможность действовать думать и поступать иначе. Он не ловил течение и не боролся с волнами – он бездействовал. Сделав первый шаг, всегда делаешь и второй, иначе упадёшь. И потому, чтобы удержать равновесие, он пошёл дальше.

– Можно мне полежать на кровати?

– Что? – Не сразу понял вопрос Беренг. – Тебе нехорошо?

– Просто хочу полежать. – Он повернулся к наугад выбранной двери и почувствовал, что хотел бы попасть именно туда. – Вот в этой комнате.

Не спрашивая более разрешения и не ожидая ответа Беренга, Нахим подошел к двери и распахнул её. Беренг опешил, он остался в коридоре и просто смотрел в открытую дверь. Но собравшись с мыслями, он вошёл за Нахимом в собственную спальню и вновь оцепенел. Нахим лежал по центру кровати, прямо на одеяле, в обуви, широко раскинув ноги, скрестив руки на груди, смотрел в потолок.

– С тобой всё в порядке? – Пытаясь оставаться вежливым, спросил Беренг.

– Лучше не бывает. Но, я позволил себе слишком много. – Он аккуратно перекатился к краю огромной кровати и встал на ноги. – Надеюсь, ты не обижен на меня. Пойдём в гостиную, обсудим всё. Я бы выпил чего-нибудь.

– Конечно, у меня есть небольшой выбор напитков. – Он остановился, сделал паузу. – Я совсем не обижен на тебя.

В гостиной оказались часы на механическом ходу, которые неприятно шумели. Лёд в бокале с виски совсем растаял, а от того вкус стал размытым. Они сидели и молчали, каждый о своём, как два берега одной реки непохожи друг на друга, так и они сейчас не походили друг на друга ни в чём – ни внутри, ни снаружи. Беренг до сих пор не смог прийти в себя после увиденного, Нахим не торопил его с выводами.

– Видишь ли, – попытался начать Беренг, – это сложный, объёмный и долгий по срокам проект. Нам предстоит потратить годы, но после появится возможность получить такие дивиденды, которые окупят всё затраченное время сполна.

– Надеюсь, для этого не придётся продавать душу дьяволу? – Нахим засмеялся, Беренг тоже засмеялся в ответ, но вышло неестественно.

– Не знал, что ты такой поборник законов божьих.

– Это был риторический вопрос.

– С чувством юмора у тебя полный порядок. Это говорит об интеллекте.

– О его наличии. – Повторно сострил Нахим.

– Так вот, я ищу ответственного и заинтересованного человека с которым мы запустим эксперимент.

– Тебе, полагаю, нужен учёный.

– Нет. Учёные уже есть. Мне нужен такой человек, о котором я сказал. И я думаю, – он сделал соответствующую паузу, – это ты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.